

Научная статья

УДК 82-312.1

DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_144

Буддийские идеи и мотивы в творчестве Ф. Н. Горенштейна

Л. В. Дубаков

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэнь, КНР

dubakov_leonid@mail.ru

Аннотация. Автор статьи в рамках исследования «буддийского текста» современной русской литературы рассматривает идеи и мотивы буддизма в творчестве Ф. Н. Горенштейна; определяет особенности авторской рецепции буддизма и способы его художественного освоения. Устанавливается двойственный характер восприятия буддийской религии, о которой говорится в романах и повестях Ф. Н. Горенштейна, и фиксируется, что пассажи о буддизме в его произведениях являются значимой частью философских размышлений автора и героев о религиозной индивидуальности русского человека.

Ключевые слова: Ф. Н. Горенштейн, Р. Ф. Унгерн фон Штернберг, даурская готика, буддизм как проблема, буддизм и христианство, буддийский пейзаж, А. Л. Иванченко

Для цитирования: Дубаков Л. В. Буддийские идеи и мотивы в творчестве Ф. Н. Горенштейна // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3 (871). С. 144–150. DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_144

Original article

Buddhist Ideas and Motives in the Works of F. N. Gorenstein

Leonid V. Dubakov

Shenzhen MSU-BIT University

dubakov_leonid@mail.ru

Abstract. In the article, within the framework of a study devoted to the “Buddhist text” of modern Russian literature, Buddhist ideas and motives in the work of F. Gorenstein are considered, the features of the author’s perception of Buddhism and ways of its artistic development are determined. It also establishes the dual nature of the perception of the Buddhist religion, which is mentioned in Gorenstein’s novels and short stories. In addition, it is recorded that the passages about Buddhism in the works of F. Gorenstein are a significant part of the philosophical reflections of the author and characters in connection with the problem of the religious individuality of a Russian person.

Keywords: F. Gorenstein, R. Ungern von Sternberg, Daurian Gothic, Buddhism as a problem, Buddhism and Christianity, Buddhist landscape, A. Ivanchenko

For citation: Dubakov, L. V. (2023). Buddhist Ideas and Motives in the Works of F. Gorenstein. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(871), 144–150. 10.52070/2542-2197_2023_3_871_144

ВВЕДЕНИЕ

Русская литература проявляет интерес к буддизму начиная с XIX века. Буддийские идеи и мотивы можно обнаружить в творчестве Л. Н. Толстого и Н. С. Лескова. На рубеже XIX и XX веков произошел всплеск интереса к буддийской религии, писатели Серебряного века, такие, как И. А. Бунин, К. Д. Бальмонт, И. Ф. Анненский, осваивали буддийскую образность, обращались к буддийской экзотике и мистике. Новый пик интереса к буддизму пришелся на момент перехода от советской к постсоветской литературе, появились писатели, глубоко погруженные в буддийскую теорию и практику, как, А. Л. Иванченко и В. О. Пелевин. Отечественное литературоведение, отталкиваясь от книги В. Н. Топорова, ставшей классической, переводя структурно-семиотический подход в религиозную сферу, говорит сегодня о существовании «буддийского текста» русской литературы [Топоров, 1995]. Так, «буддийский текст» как часть ориентального дискурса в истории русской литературы XIX века исследовал Р. Ф. Бекметов [Бекметов, 2019]. Современная литература по-разному соприкасается с буддийской религией, один из авторов, который пытается понять буддизм как часть русской ментальной культуры, – Ф. Н. Горенштейн.

СВАСТИКА КАК СИМВОЛ ТОТАЛИТАРНОГО

В 1995 году в жанре даурской готики [Михалёв, 2018; Соболевская, 2019], восходящей к «Балладе о даурском бароне» А. И. Несмелова и книге «И звери, и люди, и боги» А. Ф. Оссендовского, Ф. Н. Горенштейн пишет роман «Под знаком тибетской свастики», посвященный барону Р. Ф. Унгерну фон Штернбергу, а также судьбе белых русских офицеров и эмигрантов. Позже, в начале нулевых годов, им будет создан киносценарий «Унгерн». Об этой работе Л. А. Юзефович отзовется критически, так как, по его мнению, Горенштейн не только написал свой сценарий на основе его книги «Самодержец пустыни», по-своему перемешав исторические факты и персоны, но и взял оттуда множество буквальных заимствований [Юзефович, 2019]. И действительно, по прочтении киносценария «Унгерн», складывается впечатление его сюжетной вторичности и некоторого уплощения образов. В нем повторен едва ли не весь набор буддийских кодов, связанных с образом и историей жизни барона и представленных в литературе – от А. Ф. Оссендовского до Л. А. Юзефовича. При этом Горенштейн, конечно, добавляет отдельные яркие штрихи к истории барона. Например,

образ кладбищенских псов возле Урги, связанных с потусторонним миром, находит у него отражение в палачах барона Унгерна – Бурдуковском и Сипайлове:

Я чувствую в себе силу Махагалы, а значит, и справедливость Будды. При этом всякий, на кого обращается мой гнев, будь то дезертир, пьяница или тот же Чернов, становится врагом желтой религии, мешающим ее торжеству. И ты, Сипайлов, спутник Махагалы. Но я божество, слуга Будды, а ты и Бурдуковский со своими подручными – бесноватые кладбищенские демоны, жадные до крови и мяса (Ф. И. Горенштейн. *Унгерн*. 2002).

Несмотря на некоторую вторичность системы образов и сюжета, образ Унгерна, созданный Ф. Н. Горенштейном, представляет интерес, так же как и в случае, например, с Э. В. Лимоновым (эссе «Барон Унгерн фон Штернберг: черный барон»¹) и А. Г. Дугиным (радиопьеса «Барон Унгерн: Бог Войны»²), попыткой интерпретации личности и деятельности Р. Ф. Унгерна фон Штернберга, обусловленной политическими воззрениями автора. В отличие от них, Горенштейн не апологизирует Унгерна, он обозначает аспект связи барона с праворадикальным, фашистским движением. При этом Горенштейн не называет Унгерна фашистом, однако проводит параллели между его философией и германским нацизмом. Вероятно, для того, чтобы, в свою очередь, провести, как ему кажется, верную параллель между фашизмом и социалистической идеологией. Например, в эпизоде разговора Унгерна с японским военным атташе Судзуки барон несколько комически (поскольку поверхностно) характеризует Гитлера как социалиста:

В Германии Альфред связался с каким-то социалистом Адольфом Гитлером, конечно же, прохвостом и негодяем, как все социалисты, и, похоже, сам стал социалистом. Да, он меня приглашает приехать и вступить в их социалистическую партию. Меня, рыцаря и аристократа, приглашает стать социалистом. Ведь это то же самое, что стать большевиком (Ф. И. Горенштейн. *Унгерн*. 2002).

При этом ранее он прямо говорит, что:

Есть расы свежей крови, расы завоевателей, <...> а есть расы гнилой крови. Кровь только на первый

¹Лимонов Э. В. Священные монстры (портреты), 2003.

URL: http://www.nbp-chuvashia.narod.ru/biblio/Limonov/Sv_Monstry.htm#sternberg

²Дугин А. Г. Барон Унгерн: Бог Войны, 1997.

URL: <http://arcto.ru/article/1104>

взгляд одного цвета. Под микроскопом она разная (Ф. И. Горенштейн. *Унгерн*. 2002).

Таким образом, мысль, как бы опровергнутая, остается всё же высказанной. То же самое, но уже с перспективой проведения Горенштейном параллели между Германией, родившейся после Версальского договора, и собственной страной, можно обнаружить и в финале сценария, когда В. К. Блюхер во время допроса пытается завербовать Унгерна:

- России и Японии одинаково невыгодно, чтобы такие страны, как Америка, имели влияние в Китае. Кроме того, вы – немец, у вас связи с Германией. Германия ограблена Версальским договором и должна понять, что у нее с Россией много общего.
- Это так, – ответил барон. – Россия, как и Германия, противостоит западному разложению человечества (Ф. И. Горенштейн. *Унгерн*. 2002).

Горенштейн демонстрирует кажущееся ему сходство идеологий также через показ доктринальной пластичности обоих учений. Как Унгерн свободно интегрирует буддийский мистицизм в свое крайне правое политико-философское мировоззрение, так и монголы-большевики заимствуют из буддизма прагматический взгляд на мир:

- Да, я большевик-буддист. Гаутама Будда дал миру законченное учение коммунизма.
- Кто же твой вождь – Будда или Ленин?
- Ленин высоко ценит истинный буддизм.
- В чем же, по-твоему, истинный буддизм? Разве не в мистицизме, отвергаемом большевиками, истинный буддизм?
- Силы, которыми обладает Будда, не чудесные. Его мощь согласуется с общим порядком вещей, система ленинских заветов восходит к учению Будды (Ф. И. Горенштейн. *Унгерн*. 2002).

Общее между идеологиями, по его мнению, Ф. Н. Горенштейн демонстрирует также на знаково-религиозном уровне – через символ свастики, как известно, заимствованный германским фашизмом (по замечанию А. В. Михалёва, в современной культуре «В зависимости от политической ориентации свастика трактуется либо как “древний азиатский солярный символ”, либо как наглядное подтверждение протофашистских взглядов барона» [Михалёв, 2018, с. 143]). Роман, на основе которого создан сценарий, называется «Под знаком тибетской свастики», и эта тибетская свастика появляется в сценарии в двух схожих эпизодах. Под белым знаменем с ней, буддийским символом вечного обновления, под

которым «евразийцы восстанавливают свое былое величие» (Ф. Н. Горенштейн. *Под знаком тибетской свастики*), выстроится воинство Унгерна, а древко знамени обмакнут в кровь специально зарученного для этого китайца. Позже, когда Ургу займет Сухэ-Батор, в сценарии вновь появится свастика, начертанная черным на красном знамени, и это красное знамя также будет «освящено» кровью:

По древнему обычаю, белый казак своей кровью освятит наше революционное красное монгольское знамя, – сказал Сухэ. Закричав, монголы подняли вверх сабли. Один из монголов рассек казаку грудь, вырвал трепещущее сердце и съел его. Знаменосец обмакнул древко знамени в текущую кровь (Ф. Н. Горенштейн. *Под знаком тибетской свастики*. 2002).

Последняя фраза оказывается повторена у Горенштейна буквально.

ДВОЙСТВЕННАЯ ЭТИКА БУДДИЗМА

Но этот роман и сценарий на его основе – не первое обращение Ф. Н. Горенштейна к буддизму. Так, еще в 1966 году он написал повесть «Ступени», главный герой которой, врач Юрий Дмитриевич, поражен душевной болезнью. Его нравственные мучения и философские размышления о смысле жизни, о религиях, о добре, а также конкретная ситуация и грубая распутная женщина порождают, среди прочего, следующий пассаж:

В основе буддизма также лежит легенда приношения себя в жертву, но, пожалуй, более благородная, чем христианское распятие... Будда, встретив голодную больную тигрицу, предложил ей себя съесть... Именно тигрице, самке... Тут тонкость... Тут не добро в основе, а наслаждение... Конечно, не каждодневное наслаждение, а наслаждение-идеал... Тут взаимная любовь приводит к слиянию в один организм... (Ф. Н. Горенштейн. *Ступени*. 2001).

Речь здесь идет об одном из сказаний о деяниях Будды Шакьямуни, совершенных Им до Его последнего воплощения. Это сказание называется «Джатака о тигрице» [Арья Шура, 2000]. Вчитанная здесь героем и далекая при этом от традиционного буддизма мысль о том, что важна разность полов жертвующего и хищника, не заслоняет тем не менее одного из центральных идей учения Будды – о ложности себялюбия и отделения себя от других существ. Юрий Дмитриевич в своем прогрессирующем душевном недомогании, подобно

персонажам Ф. М. Достоевского, восходит по ступеням земных мытарств до высокого нравственного идеала.

БУДДИЗМ КАК РЕЛИГИЯ ОТРИЦАНИЯ

В 1975 году Ф. Н. Горенштейн написал роман «Псалом», значительная часть которого посвящена размышлениям об иудаизме и христианстве, их особенностях. Рассматривая христианство как религию, что отступила от иудейской традиции и понесла вследствие этого духовный ущерб, Горенштейн сравнивает христианство с буддизмом. Буддизм для главного героя книги, Дана, Антихриста, – это религия созерцания, а значит, духовной смерти.

Христианство много веков проводило в духовной праздности, предаваясь чисто буддистскому созерцанию метафизических истин и заменив Деяние злобными спорами о добре и зле... (Ф. Н. Горенштейн. *Псалом*).

Буддизм сбил русскую интеллигенцию XIX века с верного пути:

Толстой пуст во взоре, но это у него естественно, по-буддистски, ибо усилившаяся среди гуманистов девятнадцатого века страсть достичь совершенства наиболее кратким путем неизбежно вела к духовному поэтическому схематизму, которым характерен буддизм (Ф. Н. Горенштейн. *Псалом*).

Буддизм – религия, подавляющая личность:

Во взгляде буддиста холодный эпос – от слияния с природой, то, что всё более завладело в упадке и христианством... (Ф. Н. Горенштейн. *Псалом*).

А. В. Татаринов в статье «Апокалипсис как суд над Россией: Фридрих Горенштейн и Виктор Ерофеев» обнаруживает в этой цитате также «буддийское настроение» пейзажа «Псалма»: «Природа не вызывает у повествователя радости; особенно заражена буддизмом природа русская» [Татаринов, 2012].

Наконец, согласно Горенштейну, метафизический финал человека в буддизме, т. е. в нирване, – это удаление от Бога, а значит, ошибка и катастрофа. В финале романа один из героев, Савелий Иволгин, проводит алхимический эксперимент, и получившийся у него «философский человечек» сообщает ему «главные идеи мира». Эти «идеи» – что-то вроде итога философских и богословских размышлений «Псалма». В частности, «философский человечек» говорит, что «главные идеи мира» – это

идея Времени и идея Пространства. Идея Времени – религиозная, идея Пространства – атеистическая. Идея Пространства родила философию и науку, идея Времени – религию и искусство. Однако позднее произошло кровосмешение. Идея Пространства – созерцательная, и человек способен достичь в ней иллюзии равенства с Богом. Идея Времени – деятельная, человек чувствует в ней свою слабость перед Будущим, зависимость от Будущего и нуждается в помощи Господа. Буддизм и Античность – идеи Пространства. Библия – идея Времени. Когда разбита была Чаша, христианский мир из временного всё более становился пространственным. В идее Пространства, идее настоящего, идее красоты, гений достигает величия, но предела своего он все-таки достигает в идее Времени, идее Будущего (Ф. Н. Горенштейн. *Псалом*).

Таким образом, буддизм в романе «Псалом» предстает как религия праздно-созерцательная, а не деятельная, интеллектуально-рассудочная, а не исполненная живой и сложной жизни, наконец, подавляющая личность и отрицающая Бога, а значит, по совокупности всего этого влекущая верующего к духовной гибели. Или другими словами: «Буддизм для Горенштейна – даже не сознательное стремление, а общее состояние мира, стремящегося скрыться от иудейского Бога – единственного легитимного Господа, который, судя по теологическим рассуждениям автора, не обещает ни любви, ни воскресения, ни бессмертия, но требует соблюдения ветхозаветного Закона, в рамках которого Иисус предстает лишь братом антихриста, одним из еврейских учителей, не имеющим никакого отношения к идее Богочеловека» [Татаринов, 2012]. В этом отношении Ф. Н. Горенштейн в романе повторяет тот ревностный, но поверхностный взгляд на буддизм, который можно увидеть, например, у Н. Ф. Фёдорова, что критиковал буддизм за то же самое, но только стоя на позиции активно настроенного по отношению к миру христианства, а не иудейства. Так, согласно Н. Ф. Фёдорову, буддизм – «вовсе не вера, не дело, а лишь сомнение (философия) во всех и во всем, бездействие, отречение, отчуждение от всех и от всего, от Бога, от людей, от природы, от самого себя – словом, полное уничтожение» [Фёдоров, 2008, с. 44].

Отдельно можно обратить внимание на сходство этой горенштейновской книги и романа А. Л. Иванченко «Монограмма» (1988). В «Монограмме» семья Марины, мамы главной героини, оказывается раскулаченной. Марина вместе с малолетним братом Гришуней просит подаяние, после гибели родителей их отправляют в детский дом, где ее и брата разлучают. Сбежав из детского дома, она прибавляется к семье горного инженера Емельяна

Львовича и Полины, в которой помогает по хозяйству. Из-за ревности Полины Марину «спроваживают». В «Псалме» Мария с братом Васей после смерти отца просит подаяние. Их подозревают, что они принадлежат к семье раскулаченных или подкулачников. Они оказываются в детском доме, где Мария теряет брата. Позже она приезжает к сестре Ксении, которая замужем за железнодорожным техником. После того, как Мария стала свидетельницей измены Ксении и сексуальных сцен между мужем и женой, ее отправляют назад, в деревню.

Случайно или нет это совпадение текстов, где звучны имена героинь и их судьбы, где схожи место и время действия (Украина), где близки отдельные элементы сюжета, однако нельзя не отметить угол зрения, который избирают авторы для подачи этих историй. Дан, антихрист Горенштейна, восстает против того, как с безнадежностью справляется русский человек – против забвения через алкоголь: в таком забвении он видел «подобие смерти». Эта смерть

была ненавистна народу его, смерть ли физическая, смерть ли в буддийском созерцании (Ф. Н. Горенштейн. *Псалом*).

Иванченко, напротив, весь роман строит на сопряжении тяжелых сцен российской истории и буддийских медитаций, в буддизме видя спасение человека. Так, за сценой раскулачивания в «Монограмме» следует медитация Майтри-бхавана для развития безграничной любви [Иванченко, 2005]. И Горенштейн, и Иванченко, таким образом, видят в буддизме возможное спасение, но первый отвергает его как, с его точки зрения, вариант духовной смерти, второй воспринимает как лекарство от страстей, ввергающих человека в страдание.

ИУДАИЗМ И БУДДИЗМ VS. ХРИСТИАНСТВО

В 1976 году Ф. Н. Горенштейн написал роман «Место». В этом тексте писатель продолжил размышлять об иудаизме, христианстве и буддизме, их специфике, их генеалогии. Бруно Фильмус, один из персонажей романа, проводит «физиологические» параллели между иудаизмом и буддизмом, говоря, что обе эти религии, в отличие от христианства, обладают мужским характером, ориентирующим человека на борьбу со страданием. Буддизм, как и иудаизм, предлагает человеку «духовную диету», твердые «гигиенические» правила, лишь соблюдая которые человек может получить удовлетворение от своей подлинной, а не вымышленной судьбы и от подлинных, а не вымышленных радостей бытия. При этом между иудаизмом и буддизмом огромная вероучительная

разница, например, выражающаяся в разных этических решениях при встрече со злом (Горенштейн вспоминает ветхозаветный принцип «око за око» и Дхаммападу: «вражда не прекращается враждой» или, в другом переводе: «ненависть не прекращается ненавистью» [Дхаммапада, 1960, с. 6]. А также разница между ними – в понимании собственных задач в мире, обусловленная географией:

буддизм возник в стране, где врачует сам мягкий климат и где народ отличается кротостью, в то время как иудаизм возник среди знойных песчаных пустынь и поработленного народа, требовавшего принудительного врачевания (Ф. Н. Горенштейн. *Место*).

БУДДИЙСКИЙ СИМВОЛИЧЕСКИЙ ПЕЙЗАЖ

В рассказе 1982 года «На вокзале» Горенштейн задействует «буддийский колорит». Писатель оговаривается, что упоминание буддизма по ходу сюжета – это то, что не связано напрямую с идейным содержанием текста, однако «буддийский пейзаж» рассказа – «буддийская луна», под которой происходит убийство, и превращение убитого в «буддистский камушек», вероятно, свидетельствуют об ином. Одно из возможных истолкований «буддийской луны» – это проблема кармы, воздаяния и прощения. Убитый Зацепы, говорит автор,

пусть воздаст <...> убийцам своим добром за зло не по-христиански, а по-буддистски, не при жизни, а после жизни. Ибо сказано в буддистском каноне: «Кто воздаст добром за зло, тот блистает в этом мире, словно луна, которую сокрыло, а потом раскрыло облако» (Ф. Н. Горенштейн. *На вокзале*).

Таким образом, «буддийская луна», ее свет становится метафорой человека, преодолевшего страсти.

Другой буддийский аспект в рассказе – русская «лунная мистика», отталкивающаяся от буддийской, по выражению повествователя, идеи об отделении души от тела (у Горенштейна последнее имеет также ироническое измерение), что переводит разговор в метафизическую плоскость. Вспоминая Н. В. Гоголя, «великого лунного мистика» и его «Взгляд на составление Малороссии» (а действие рассказа происходит в СССР), писатель формулирует причины совершившегося в рассказе убийства – человек хватается (цепляется = Зацепы) за временное вместо вечного. И в данном случае это не частный криминальный эпизод, но символ возвращающегося омрачения русского народа – утрата великой объединяющей цели. Неслучайно

Зацепы, потомок революционеров (в гордыне устремившийся к карьерному восхождению), погибает от удара амбарным замком – кулацким наследием (от удара, который, в контексте присутствия буддийского маркера в начале пассажа, можно понять как реализацию кармы). Иными словами, «хаос браней за временное, за минутное» (Н. В. Гоголь) обуял в рассказе и убийц, и Зацепу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом при соприкосновении с творчеством Ф. Н. Горенштейна появляется ощущение широты его мифологического и религиозного контекста, в том числе буддийского. Например, Е. Е. Завьялова в монографии «Ф. Н. Горенштейн: поэтика поздней прозы» предполагает, помимо прочих, буддийское интертекстуальное включение даже в далекой от религиозной проблематики повести «Муха у капли чая» (1982), имея, вероятно, в виду буддийский ритуал «открытия глаз» (тиб. *spruandbye*) [Завьялова, 2018, с. 28].

Горенштейн смотрит на буддизм как на часть русской ментальной культуры и как на проблему

русского сознания. Буддизм в рассуждениях персонажей философских горенштейновских романов и повестей оказывается религией странной и опасной для русского человека: монгольский вариант буддизма, соединенный с природными культами и неотделенный от первобытной жестокости некоторых из тех, кто его исповедует, избирают для себя две не близкие Горенштейну идеологии XX века; у буддизма, по мнению писателя, своеобразная и искусительная, связанная с полом этика жертвенности и прощения; буддизм – созерцательная и негативистская религия, покушающаяся на Бога и на человеческое «я».

Отдельно нужно отметить то, что Горенштейн создает буддийский символический пейзаж: русская природа, изображенная в его произведениях, вследствие недолжного, темно-мистического сближения с ней человека несущая отпечаток буддизма, ощущается холодной и мертвой.

Однако, несмотря на скорее отрицательный взгляд на буддизм, Горенштейн тем не менее в своих романах и повестях отмечает также высокую этику буддизма, проявляющуюся в его мужественной борьбе против страдания и в активном сострадании.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс-Культура, 1995.
2. Бекметов Р. Ф. Русская литература 1830–1860-х годов в зеркале восточных (буддийских и даосских) традиций: дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2019.
3. Михалёв А. В. Бог войны, или Память о «черном бароне» в правовом дискурсе современной России // Политическая наука. 2018. № 3. С. 129–146.
4. Соболевская О. В. Введение в даурскую готику. 2019. URL: <https://iq.hse.ru/news/286418877.html>
5. Юзёфович Л. А. Самодержец пустыни. Барон Р. Ф. Унгерн-Штернберг и мир, в котором он жил. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019.
6. Арья Шура. Гирлянда джатак, или Сказания о подвигах Бодхисаттвы / пер. с санскрита А. П. Баранникова и О. Ф. Волковой; предисл. и примеч. О. Ф. Волковой. 2-е изд., доп. М.: Восточная литература РАН, 2000.
7. Татаринов А. В. Апокалипсис как суд над Россией: Фридрих Горенштейн и Виктор Ерофеев // Парус. 2012. №14. URL: <http://parus.ruspole.info/node/2273>
8. Фёдоров Н. Ф. Философия общего дела. М.: Эксмо, 2008.
9. Иванченко А. Л. Монограмма. М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2005.
10. Дхаммапада / пер. с пали, введение и комментарии В. Н. Топорова ; отв. ред. Ю. Н. Перих. М.: Изд-во Восточной литературы, 1960.
11. Завьялова Е. Е. Ф. Н. Горенштейн: поэтика поздней прозы. Астрахань: Астраханский университет, 2018.

REFERENCES

1. Toporov, V. N. (1995). Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe = Myth. The ritual. Symbol. Russian image: Research in the field of mythopoetic: Favorites. Moscow: Progress –Culture. (In Russ.)
2. Bekmetov, R. F. (2019). Russkayaliteratura 1830-60-h godov v zerkale vostochnyh (buddijskihidaosskih) tradicij = Russian literature of the 1830–1860s in the mirror of Eastern (Buddhist and Taoist) traditions: Senior Doctorate in Philology. Kazan. (In Russ.)

3. Mikhalev, A. V. (2018). God of war or the memory of the "black baron" in the right discourse of contemporary Russia. *Politicheskaya nauka*, 3, 129–146. (In Russ.)
4. Sobolevskaya, O. V. (2019). Vvedenie v daurskuyugotiku = Introduction to the Daurian Gothic. <https://iq.hse.ru/news/286418877.html>
5. Yuzefovich, L. A. (2019). Samoderzhec pustyni. Baron R. F. Ungern-Shternbergi mir, v kotorom on zhil = Autocrat of the desert. Baron R. F. Ungern-Sternberg and the world in which he lived. Moscow: AST Publishing House : Edited by Elena Shubina. (In Russ.)
6. Barannikov, A. P., Volkova, O. F. (Tr.). (2000). Ar'ya Shura. Girlyanda dzhatak, ili Skazaniya o podvigah Bodhisattvy = Arya Shura. Garland of jatak, or Tales of the Bodhisattva's Exploits. Moscow: Oriental Literature. (In Russ.)
7. Tatarinov, A. V. (2012). The Apocalypse as a trial over Russia: Friedrich Gorenstein and Viktor Yerofeyev. *Parus*, 14. <http://parus.ruspole.info/node/2273>
8. Fedorov, N. F. (2008). *Filosofiya obshchego dela (sbornik) = Philosophy of common cause (collection)*. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
9. Ivanchenko, A. L. (2005). Monogram. Moscow: AST; St. Petersburg: Astrel-SPb. (In Russ.)
10. Toporov, V. N. (Tr.). (1960). *Dhammapada = Dhammapada*. Moscow: Publishing House of Oriental Literature. (In Russ.)
11. Zavyalova, E. E. (2018). F. N. Gorenstejn: poetika pozdnej prozy = F. N. Gorenstein: poetics of late prose. Astrakhan: Astrakhan State University. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дубаков Леонид Викторович

кандидат филологических наук

доцент факультета филологии Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне

<https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dubakov Leonid Viktorovich

PhD (Philology)

Associate Professor at the Faculty of Philology of the Shenzhen MSU-BIT University

<https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	28.11.2022	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	23.12.2022	
	27.01.2023	